

Поученіе при послѣдней нанихидѣ у гроба героя Василія Рябова.

*«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и
вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Бо-
жью созданную нашу красоту.»*

Такъ поется въ одной церковной пѣсни при погребеніи.

Но почему же этотъ гробъ, возлюбленные Христолюбивые воины, не возбуждаетъ въ насъ чувства безъисходной печали, какъ это бываетъ при гробѣ дорогою, близкаго нашему сердцу лица? Почему изъ очей нашихъ не льются горючія слезы? Развѣ не близокъ, не дорогъ намъ этотъ покойникъ? Но тогда зачѣмъ же пять лѣтъ спустя послѣ его смерти искали его могилу среди десятковъ тысячъ другихъ могилъ, разбросанныхъ на необъятномъ пространствѣ далекой Маньчжуріи? Зачѣмъ везли его бранные останки многія тысячи верстъ и на всемъ этомъ протяженіи отдавали имъ воинскія почести и молились объ упокоеніи души его въ вѣчныхъ селеніяхъ?

Зачѣмъ и вы, благочестивые воины, собрались на его погребеніе? Вѣдь онъ не знатнаго рода, невысокаго положенія. Это бывшій бѣдный крестьянинъ села Лебедевки и простой рядовой 284 Чембарскаго полка Василій Рябовъ. Да, Василій Рябовъ! Вотъ эти два слова сказали намъ все. Кто изъ русскихъ людей не знаетъ теперь Василю Рябова, этого доблестнаго воина, геройски умершаго во славу Царя и родины.

Вотъ почему этотъ гробъ и является для насъ не источникомъ печали, а предметомъ нашего глубокаго почитанія и уваженія. Этотъ гробъ есть наша національная святыня, наша російская гордость.

Вотъ почему и это погребеніе не только не печальное, а скорѣе свѣтлое и поучительное для насъ и нашихъ позднѣйшихъ поколѣній торжество.

Я не стану растравлять еще не зажившія раны тѣмъ болѣе, что, по милости Божіи, заря мира снова занялась и все ярче и ярче разгорается надъ Русской землей. Да иначе не могло и быть. Изувѣрное ученіе не въ силахъ было поколебать той глубокой вѣры въ Бога и горячей любви къ Царю и родинѣ, которыми были преисполнены сердца Василю Рябова и тѣхъ скромныхъ героевъ, имена которыхъ, какъ бисеры, нанизаны теперь на траурныхъ доскахъ.

Съ перваго дня поступленія въ ряды дѣйствующей арміи Василій Рябовъ, не удовлетворяясь службой простаго рядового, спѣшитъ зачислиться въ одну изъ охотничьихъ командъ, на долю которыхъ, какъ извѣстно, выпала особенно тяжелая работа въ минувшую кампанію.

Здѣсь, подъ вліаніемъ частныхъ столкнованій съ непріателемъ, русская доблесть развертывается въ немъ во всю ширь. Онъ жаждетъ подвига или геройской смерти и потому добровольно вызывается на опаснѣйшее предпріятіе—подъ видомъ китайскаго крестьянина проникнуть въ станъ непріателя и выяснитъ расположеніе его силъ. При извѣстной бдительности и осторожности японцевъ перспектива неминуемой смерти для отважнаго охотника была очевидна, но это не остановило Василю Рябова.

Напутствуемый благословеніями своего начальника, онъ смѣло идетъ на подвигъ. Незнаніе китайскаго языка и оружіе, бывшіе при немъ, выдають его головой. Въ результатъ военный судъ надъ нимъ, какъ надъ шпиономъ, и смертная казнь черезъ разстрѣліаніе. Въ отвѣтъ на объявленный ему смертный приговоръ Василій Рябовъ говоритъ: «готовъ умереть за Русь, за Царя, за Вѣру», долго молится на четыре стороны и спокойно становится на свое лобное мѣсто.

Какое изумительное спокойствіе передъ лицомъ смерти! Спокойствіе, отъ котораго содрогнулись даже сердца его суровыхъ палачей. Что же могло дать ему такое спокойствіе, какъ не ясное сознаніе необходимости до конца исполнить свой долгъ воина—христіанина.

А источникомъ этого сознанія была живая вѣра въ Бога, растворенная горячею молитвою, и искренняя любовь къ Царю и родинѣ. Какъ воинъ и христіанинъ, онъ ясно сознаетъ, что жизнь его принадлежитъ теперь не ему, а Богу, Царю и родинѣ, и потому твердо отдаетъ ее въ жертву высокой идеѣ, любви и самоотверженію. Передъ лицомъ смерти онъ не думаетъ о себѣ, женѣ, дѣтяхъ; нѣтъ, въ эту предсмертную минуту сердце его наполняла болѣе высшая христіанская любовь, любовь, о которомъ нашъ Божественный Учитель сказалъ: «больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя». Въ послѣднюю минуту жизни онъ больше всего любитъ Царя и родину. О нихъ онъ думаетъ, за нихъ горячо молится Господу и за нихъ твердо исповѣдуетъ свою готовность умереть.

Наконецъ раздался выстрѣлъ и онъ палъ сраженной первой пулей. Не стало вѣрнаго сына отчины. И вотъ передъ нами его дорогія останки, но мы не печалимся. Мы радуемся, какъ радуется земледѣлецъ при видѣ тлѣнія пшеничнаго зерна, брошеннаго имъ въ землю, такъ какъ знаетъ, что если зерно умретъ, то многій плодъ сотворитъ. Умеръ Василій Рябовъ, но образъ его доблести и примѣръ его подвига будутъ вѣчно жить въ сердцахъ вашихъ, дорогіе воины и граждане. Умеръ Василій Рябовъ, но изъ этой смерти выростутъ сотни воиновъ подобныхъ ему.

Спи же, дорогой и вѣрный своему долгу воинъ. Да будетъ, какъ пухъ, легка тебѣ родная земля и да упокоитъ Господь твою душу въ селеніяхъ мучениковъ. Аминь.

Церкви 216 пѣхотнаго резервнаго Инсарскаго полка Священникъ Александръ Успенскій.

